

Вчера, сообщая телеграмму изъ
Туркестана, мы упомянули о прибытіи
генерала съ извѣстіями о событіяхъ,
предшествовавшихъ взятію Самаркан-
да. Ниже мы печатаемъ подробныя
свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Буха-
ре и о тѣхъ затрудненіяхъ, въ кото-
рыя ежеминутно ставитъ наше пра-
тельство въ ролюмный образъ дѣй-
ствій бухарскаго эмира. Изъ этого
описанія читатели увидятъ, какъ да-
же были помыслы наши отъ какихъ
либо заранее обдуманыхъ завоева-
тельныхъ стремленій. Въ то время,
когда бухарскій эмиръ, съ дурно скры-
тою двуличностью, собирался вое-
вать съ Россіею, ставя себя своею без-
посредственною политическою въ де-

необходимость рискованныхъ для него
столкновеній съ нами, наша админи-
страція въ краѣ, посвятивъ всѣ свои
заботы и труды спокойствію и без-
опасности жителей, съ великодушнымъ
терпѣніемъ сильнаго и могучаго сосѣ-
да противъ слабаго противника, от-
клоняла всѣми зависѣвшими отъ нея
способами и средствами невыгодныя
для бухарскаго эмира неприязненныя
военныя дѣйствія. Но если въ Европѣ
такія дѣйствія не всегда оцѣниваются
по достоинству и нерѣдко подвергаются
кривымъ толкованіямъ, то въ Азіи
они совершенно искренно и съ непо-
колебимымъ убѣжденіемъ принимаются
какъ слабость и безсиліе. Конечно,
если бы все дѣло ограничивалось толь-
ко одними толкованіями, то Россія не
много бы проиграла; мы могли бы со-
вершенно равнодушно выносить мнѣ-
нія о насъ средне-азіятцевъ, какъ рав-
нодушно смотримъ и на мнѣнія тѣхъ
лицъ въ Европѣ, которыя во что бы
то ни стало хотятъ видѣть въ каж-
домъ поступкѣ Россіи тѣ побужденія,
которыя ближе всего къ намъ

домъ поступкѣ Россіи тѣ побужденія, которыя ближе всего подходятъ подъ ихъ собственную точку зрѣнія. Но въ Азій дѣло другое. За подобнымъ образомъ мыслей, тамъ тотчасъ же слѣдуютъ соотвѣтственные ему дѣйствія, которыя могутъ отозваться весьма невыгодно для края. Не зная другаго права, кромѣ права сильнаго и не видя другаго проявленія силы, кромѣ грубаго насилія, азіатцы соображаютъ всѣ свои дѣйствія съ этими коренными принципами ихъ государственнаго управленія. Терпѣть равнодушно непріязненные выходки эмира, смотрѣть хладнокровно на то, какъ войска его, подъ предлогомъ самоуправства подчиненныхъ ему бековъ, являются на нашей территоріи съ цѣлю насилій, грабежа и разбоя и продолжать вести съ нимъ дипломатическіе переговоры въ то время, какъ его подданные явно вооружаются противъ Россіи и нападаютъ на наши войска — значило бы показать всѣмъ нашимъ подданнымъ Средней Азій наше безсиліе и тѣмъ самымъ вызвать среди ихъ смуту. Обязанность тамошняго правительства главнымъ образомъ должна состоять именно въ томъ, чтобы внушить среднеазіатцамъ — какъ владѣтелямъ, такъ и ихъ подданнымъ, что русская власть, ни мало не препятствуя свободному и самостоятельному существованію народа, развитію его матеріальнаго благоденствія и управленію его религіозныхъ обрядовъ, неустанно заботится о мирѣ, тишинѣ и спокойствіи, необходимыхъ спутниковъ народнаго преуспѣянія. Власть должна наглядно и фактически убѣдить населеніе въ томъ, что, покровительствуя мирному развитію народа, она никогда не потерпитъ противодѣйствія для осуществленія своихъ благихъ мирныхъ намѣреній и нарушенія своего достоинства и своихъ правъ. Только

твердымъ и справедливымъ образомъ дѣйствій и энергіею можетъ наше правительство внушить своимъ среднеазіятскимъ подданнымъ, что она достаточно сильна для того, чтобы охранить ихъ отъ всякихъ непріязненныхъ покушеній. Только этотъ образъ дѣйствій можетъ внушить населенію полную увѣренность въ его безопасности подъ русскимъ скипетромъ. Результаты нашихъ дѣйствій уже оказались теперь. Подвластное намъ народонаселеніе не только не высказываетъ неудовольствія на принимаемая правительствомъ мѣры, но, напротивъ, оцѣниваетъ ихъ по достоинству, и можно быть увѣреннымъ, что каковы бы ни были наши отношенія къ бухарскому правительству, оно не найдетъ себѣ соумышленниковъ въ подвластномъ намъ населеніи, которое уже пользуется плодами правильной администраціи.

Туркестанскій генераль-губернаторъ еще весною намѣревался выѣхать въ Петербургъ, для внесенія на разсмотрѣніе въ законодательномъ порядкѣ некоторыхъ частей проекта положенія и для испрошенія разрѣшенія по многимъ другимъ вопросамъ. Но дѣла съ Бухарою приняли такое положеніе, что отъѣздъ этотъ необходимо было отложить.

Извѣстно, что мирныя условія посланы были изъ Оренбурга еще въ сентябрѣ прошлаго года,

изъ Оренбурга еще въ сентябрѣ прошлаго года, съ посланцемъ эмира, Мирахуромъ Муссабекомъ. Съ этими условіями, подписанными генераломъ Крыжановскимъ, отправлено было также письмо отъ туркестанскаго генераль-губернатора, въ которомъ, послѣдній, извѣщая о своемъ назначеніи и о Высочайше дарованномъ ему полномочіи на веденіе пограничныхъ дѣлъ съ сосѣдними владѣніями, просилъ эмира о высылкѣ въ Ташкентъ утвержденныхъ условій мира ко времени своего туда пріѣзда.

Генераль Кауфманъ пріѣхалъ изъ Вѣрнаго въ Ташкентъ 7-го ноябрю, но не засталъ здѣсь посланца отъ эмира. Въмѣсто того получены были свѣдѣнія, что граница Джюзакскаго уѣзда наводнена шайками разбойниковъ, высылаемыхъ изъ бухарскихъ предѣловъ Нуратинскимъ и Челекскимъ беками. Одна изъ этихъ шаякъ успѣла даже захватить, по пути изъ Чиназа къ Джюзаку, артиллерійскаго офицера, Служенку, съ тремя солдатами. Въ Бухарѣ Служенко заставляли принять магометанство и обучать войска эмира.

Черезъ мѣсяць по пріѣздѣ генерала Кауфмана въ Ташкентъ, явился, наконецъ, бухарскій посланецъ, тотъ же Мирахуръ Муссабекъ, съ письмомъ отъ эмира. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, говорилось: «Посланныя условія съ повѣреннымъ Мирахуромъ Муссабекомъ получены. Предложенія, ему высказанныя, мнѣ доставлены. Всѣ эти предложенія соотвѣтствуютъ дружбѣ. Посылаю вышесказаннаго (Муссабека) съ надеждою, что онъ доставитъ отвѣтъ, равно посылаю и условія. Два государства, слившись въ одно цѣлое, доставятъ всѣмъ спокойствіе». Хотя въ письмѣ эмира и говорилось, что при немъ посылаются условія мира, въ дѣйствительности же они посланы не были.

Мирахуръ Муссабекъ былъ принятъ генераль-

Мирахуръ Муссабекъ былъ принять генераль-губернаторомъ чрезвычайно ласково. Не смотря на то, по началу же переговоровъ можно было догадываться, что бухарскій эмиръ и его посланецъ желаютъ заключенія мира не въ такой степени чистосердечно, какъ бы этого требовали выгоды бухарскаго ханства. Съ перваго же раза посланецъ эмира сталъ лицемерить и затягивать переговоры, будто съ намѣреніемъ, такъ что нужно было вооружиться большимъ терпѣніемъ и тѣмъ твердымъ желаніемъ мира, которымъ былъ проникнутъ генераль губернаторъ, чтобы продолжать договариваться при посредствѣ такой личности, какъ Муссабекъ.

Вскорѣ по пріѣздѣ Муссабека, туркестанскій генераль-губернаторъ поручилъ ему просить эмира, согласно тому, что говорилось въ письмѣ его, выслать утвержденныя условія мира. Муссабекъ обѣщаль, что эти условія будутъ немедленно подписаны; но проходили недѣли, пріѣзжали курьеры изъ Бухары, а условія не являлись. Между тѣмъ офиціозныя грабежи по границамъ Джюзакскаго уѣзда продолжались.

19-го декабря генераль Кауфманъ написалъ эмиру весьма любезное письмо, въ которомъ просилъ ратификовать мирныя условія и выслать служенку съ тремя солдатами. На это эмиръ отвѣтилъ крайне темнымъ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «Посланное письмо получено въ хорошей часъ. Смысль написаннаго понять. Въ посланномъ письмѣ сказано, что къ условію нужно приложить печать. Условіе неизвѣстно. Это условіе, съ приложеніемъ печати, должно прибыть со стороны русскихъ и остаться въ благородной Бухарѣ».

Если сблизить первое письмо эмира, гдѣ онъ говоритъ о высылкѣ условій въ Ташкентъ, со вторымъ, въ которомъ повелено, что условія должны остаться въ Бухарѣ, то замѣтно будетъ, по крайней мѣрѣ, противорѣчіе.

Муссабекъ старался обнаружить большое недоумѣніе и совершенное непониманіе, о чемъ идетъ рѣчь, когда генераль-губернаторъ сталъ настаивать на присылкѣ условій мира, скрѣпленныхъ печатью эмира. Когда же ему было систематически объяснено, почему одинъ экземпляръ условій, скрѣпленныхъ печатью эмира, долженъ быть высланъ въ Ташкентъ, Муссабекъ выразилъ большую радость, смыслъ которой былъ такой: это совершенно легко сдѣлать. Если бы мы понимали въ чемъ дѣло, то условія были бы давно здѣсь. Затѣмъ Муссабекъ общалъ сейчасъ же извѣстия обо всемъ эмира. Курьеры продолжали, по-прежнему, ѣздить отъ эмира къ Муссабеку и обратно, но условія не являлись.

Между тѣмъ письмомъ, полученнымъ изъ Бухары 2-го марта, Кущбеги извѣстилъ генераль-губернатора, что эмиръ отпустилъ Служенку и бывшихъ съ нимъ трехъ солдатъ. Изъ показаній, отобранныхъ отъ Служенки, по прибытіи его въ Ташкентъ, оказалось, что Муссабекъ, наканунѣ отъѣзда своего изъ Бухары, нѣсколько разъ видѣлъ Служенку, спрашивалъ его о томъ, можно ли найти въ Ташкентѣ книги, которыя служили бы руководствомъ для устройства артиллеріи и обученія артиллеристовъ и о другихъ, далеко не мирныхъ предметахъ. Замѣчательно, что генераль-губернаторъ, еще до прибытія Служенки, спрашивалъ Муссабека, видѣлъ ли онъ его въ Бухарѣ, и получилъ отрицательный отвѣтъ. Вообще въ поведеніи Муссабека не было и тѣни той искренности или опредѣлительности, которыми характеризуется поведеніе политическаго агента, когда онъ хочетъ достигнуть того же, чего желаетъ другая договаривающаяся сторона. И онъ дѣйствовалъ такъ, вѣроятно, по внушеніямъ эмира. Дѣйствительно, если бы Музаффаръ хотѣлъ заключить миръ, но желалъ бы облегчить оренбургскія условія, которыя могли казаться ему обременительными, то несомнѣнно, что Муссабекъ, долженствовавшій оцѣнить надлежащимъ образомъ стремленія туркестанскаго генераль-губернатора къ обезпеченію мира, — выразилъ бы въ категорической формѣ желанія эмира. Но бухарскій посланецъ велъ себя иначе. Онъ не выражалъ никакихъ желаній и соглашался со всемъ, что ему ни говорили, но сквозь его слова просвѣчивало то пассивное противодействіе, которое никакъ не могло облегчить сближеніе Бухары съ Россією. Не смотря на свободу сношеній со всеми, Муссабекъ поддерживалъ какую-то секретную переписку, выбирая для посланки своихъ людей темныя пути. Все это характеризовало сокровенныя мысли Муссабека, но не измѣняло твердаго намѣренія гене-

бека, но не изменяло твердаго намеренія генерала Кауфмана уладить дѣла съ Бухарою мирнымъ путемъ. Съ одинаковымъ дружелюбіемъ продолжалъ онъ относиться къ посланцу эмира, приглашалъ его къ себѣ на обѣды и вечера, былъ съ нимъ постоянно лѣбезенъ, чѣмъ заставлялъ всѣхъ показывать Муссабеку какъ можно болѣе вниманія. Когда истощались всѣ уловки Муссабека, генералъ-губернаторъ предложилъ ему лично отправиться въ Бухару и объяснить эмиру, что для заключенія мира необходимо подписать условія. Въ письмѣ, написанномъ съ Муссабекомъ, генералъ Кауфманъ, ставъ на ту точку зрѣнія, что Музаффаръ незнакомъ съ приемами европейскаго международнаго права, говорилъ, между прочимъ, слѣдующее: «Посылаю съ Мирахуромъ Муссабекомъ двѣ копии съ трактата, препровожденнаго вамъ изъ Оренбурга, обѣ скрѣпленныя моею подписью и печатью. Если дѣйствительно ваше высокостепенство искренно желаете жить въ дружбѣ и согласіи съ нами, то возвратите мнѣ немедленно одну изъ этихъ копій, приложивъ къ ней, въ знакъ утвержденія, свою печать. Другая копія, мною же утвержденная, останется у васъ, для руководства вашего и успокоенія народа, который тогда, не опасаясь разорительной и пагубной войны, займется мирными дѣлами и выгодною для него торговлею.»

«Съ того дня, какъ получится отъ васъ удовлетворительный отвѣтъ, т. е. когда ваше высокостепенство возвратитъ одну изъ копій, утвержденную вашею эмирскою печатью, миръ между Бухарою и Россіею будетъ считаться заключеннымъ и утвержденнымъ, и я возьму на себя строгое исполненіе выраженныхъ въ трактатѣ условій.»

Далѣе въ письмѣ говорилось, что, въ случаѣ непріятія эмиромъ мирныхъ условій, генералъ-адъютантъ Кауфманъ будетъ считать себя не связаннымъ никакими обязательствами и станетъ дѣйствовать согласно съ выгодами взвѣреннаго ему края.

Муссабекъ, отправляясь въ Бухару, завѣрялъ генералъ-губернатора, что неприсылка условій есть дѣло простаго недоразумѣнія, и что, въ самомъ скоромъ времени, онъ непременно привезетъ ратификованный трактатъ.

Вскорѣ по отправленіи этого письма, съ нашей юго-западной границы получились свѣдѣнія о повсемѣстномъ появленіи шакъ, грабившихъ русскихъ подданныхъ. Генералъ-губернаторъ, рѣшившись прекратить эти разбои, отправилъ на передовую линію пять сотенъ казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Штрайдмана. Чтобы не встревожить этимъ бухарцевъ, генералъ Кауфманъ извѣстилъ эмира письмомъ, отъ 14-го марта, объ усиленіи войскъ на передовой линіи, вызванномъ необходимостію обезпечить нашихъ

подданныхъ отъ нападенія разбойническихъ шаекъ. Въ томъ же письмѣ говорилось, что русскій отрядъ пойдетъ по сѣверному склону Нуратынь-Тау (для выбора пункта подъ новопроектированное укрѣпленіе), т. е. согласно предложенныхъ эмиру условій, въ предѣлахъ русской территоріи. Отрядъ, подъ начальствомъ маіора Гриппенберга, дѣйствительно былъ посланъ обрѣкогносцировать сѣверную докатость Нуратынь-Тау и выбрать пунктъ подъ укрѣпленіе, но у аула Ухума ему заградили войска ката-курганскаго и челекскаго бековъ. Гриппенбергъ разбилъ ихъ, но, исполняя приказанія генераль-губернатора, не переступилъ границу и не преслѣдовалъ бухарскія войска по южному склону Нуратынь-Тау. Получивъ донесеніе о дѣлѣ подъ Ухумомъ, генераль-губернаторъ извѣстилъ объ этомъ эмира, напомнивъ ему, что стычка произошла въ нашихъ предѣлахъ, слѣдовательно, съ нашей стороны есть актъ обороны, а не наступленія. Къ этому онъ присовокуплялъ, что все-таки ожидаетъ присылки утвержденныхъ условій мира.

24-го марта прибылъ въ Ташкентъ мирза Шамейдинъ, близкій человекъ бухарскаго кушбеги, за разъясненіемъ нѣкоторыхъ статей въ условіяхъ.

Согласно этимъ условіямъ, граница съ бухарскимъ ханствомъ проектировалась по хребту Кашгарь-Даванъ и его продолженіямъ, до прохода Джилямъ-Уты; по всей длинѣ этого прохода, до его выхода у Яны-Кургана, по горамъ Нуратынь-Тау и по Баканъ-Тау.

Мирза Шамейдинъ пріѣхалъ отъ эмира за разъясненіемъ вопроса о томъ, по какимъ именно пунктамъ горъ должна будетъ пойти проектированная граница. Ему отвѣтили, что граница должна совпадать съ водораздѣльною линіею.

Съ мирзою Шамейдиномъ эмиръ былъ поставленъ въ извѣстность, что генераль-губернаторъ рѣшился уѣхать въ Петербургъ 9-го апрѣля, и что до этого числа остается еще 16 дней — время совершенно достаточное на возвращеніе мирзы Шамейдина въ Бухару и присылку въ

мирзы Шамендина въ Бухару и присылку въ Ташкентъ утвержденныхъ условій мира. Мирза Шамендинъ успѣлъ снова возбудить надежду на мирное окончаніе дѣлъ съ Бухарою. Онъ говорилъ, что причиною недоразумѣній до сихъ поръ была тупость Муссабека. «Я» — сказалъ онъ — «говорилъ эмиру, что это дувана (полуумный), а не посоль». Затѣмъ слѣдовали весьма правдоподобныя увѣренія, что, по устраненіи Муссабека, дѣла пойдутъ хорошо. Въмѣсто того положеніе дѣлъ къ 9-му апрѣля приняло такое оборотъ, что генераль-губернаторъ принужденъ былъ отложить на неопредѣленное время свой отъездъ въ Петербургъ.

Для того, чтобы точнѣе опредѣлить наши настоящія отношенія къ эмиру и народу бухарскому, необходимо описать послѣднія событія въ Бухарѣ.

Военныя неудачи бухарцевъ въ теченіе 1865 и 1866 годовъ подорвали авторитетъ эмира и породили въ народѣ неуваженіе къ личности Музафара. Беки дальнихъ областей, трепетавшіе передъ предшественникомъ настоящаго эмира, Нассръ-Узлой, пользуясь отсутствіемъ правительственныхъ способностей у Музафара и его неудачами въ войнахъ противъ русскихъ, стали считать себя вассальными владѣтелями подчиненныхъ имъ странъ. Особенно смѣло держитъ себя въ послѣднее время шахрисябскій бекъ, Джарабекъ, который, опираясь на давнишнюю антипатію подчиненнаго ему населенія къ бухарскому владычеству, сталъ открыто ослушиваться приказаній Музафара. Теперь въ Шахрисябѣ находятъ пріютъ и защиту всѣ недовольные эмиромъ, или преслѣдуемые имъ. Годъ тому назадъ туда убѣжалъ племянникъ эмира; недавно туда же ушли вліятельные люди китай-кичачковъ. Эмиръ требовалъ выдачи бѣглыхъ, но Джарабекъ, не обращая вниманія на угрозы Музафара и не соблазняясь его ласками, отказался исполнять приказанія, получаемыя имъ изъ Бухары. Истощивъ всѣ средства къ подчиненію Джарабека, эмиръ просилъ его пріѣхать въ Бухару, для совѣщаній по вопросу, будто бы объ

хару, для совѣщаній по вопросу, будто бы объ
общей войнѣ съ Россією, и получилъ въ от-
вѣтъ, что самъ Джарабекъ не прійдетъ, а если
всѣ мусульмане поднимутся противъ Россіи, то
Шахрисябъ не будетъ послѣднимъ въ войнѣ за
вѣру.

Почти въ такомъ же отношеніи находятся къ
эмиру китай-кипчаки, полукочевое узбекское пле-
мя, разсѣянное по долинѣ рѣки Заравшана отъ
Самарканда до Кермене. Разрывъ между китай-
кипчаками и эмиромъ произошелъ послѣ ирджар-
скаго дѣла, когда многіе ихъ старшины были
казнены за сношенія, будто бы, съ русскими.
Затѣмъ эмиромъ недовольны и другіе его поддан-
ные за неурядицу въ управленіи, чрезвычайно
обременительные денежные поборы и за неопре-
дѣленность отношеній съ нами.

Борьба съ Россією и трехлѣтнія невыяснен-
ныя къ намъ отношенія требовали со стороны
эмира содержанія войскъ въ усиленномъ соста-
вѣ, т. е. весьма большихъ расходовъ; между-
тѣмъ неудачи его съ русскими истощили казну
Музаффара, а одна изъ главнѣйшихъ статей бу-
харскихъ доходовъ—зякетъ—стала уменьшаться
со времени усиленнаго подвоза русскихъ това-
ровъ въ Ташкентъ. Это привудило эмира, въ
теченіе послѣдней зимы, сдѣлать два раза чрез-
вычайно тяжелый сборъ съ купечества въ раз-
мѣрѣ, произвольно определенномъ для каждаго
купца особенно. Лица, на которыхъ пали эти
поборы, не могли громко протестовать, потому
что предлогъ для сбора, въ мусульманскомъ смы-
слѣ, былъ законный: защита страны отъ невѣрныхъ.
Впрочемъ и эти сборы не удовлетворили потребно-
стей Бухары, такъ что эмиръ готовился произвести
третій подобный же поборъ, но Якубъ-бекъ-Катта-
курганскій и Ирале, бывший бекъ Самаркандскій,
уговорили его отказаться отъ этой мѣры. Они
посоветовали ему, для пополненія казны, объ-
явить теньгу, которая прежде стояла въ 64
чеки, въ 132 чеки, скупивши предварительно
на рынкахъ и въ караванъ-сараяхъ возможно
большее количество чекъ. Вскорѣ дѣйствительно
было объявлено, что теньга будетъ принимать-

си въ уплату податей по курсу 132 чекъ, но такъ какъ они не показывались въ обращеніи, то теньга поднялась сперва на 150 чекъ, а потомъ на 200. Когда старыя теньги почти исчезли, Музаффаръ выпустилъ новоотчеканенныя теньги, съ обязательнымъ курсомъ въ 32 чеки каждая. Хотя подобныя произвольныя повышенія и пониженія курса и дали эмиру большой доходъ, но они вызвали ропотъ и негодованіе во всѣхъ классахъ народа. Къ довершенію всего, эмиръ обратилъ въ казну доходы, получаемые муллами, преподающими науки въ медресе, иначе—вооружилъ противъ себя все духовенство. Рядомъ съ вздорожаніемъ всего, распространялось недовѣріе къ эмиру; торговля падала; низкія цѣны на хлопокъ, державшіяся всю прошлую зиму, еще болѣе потрясли бухарскіе капиталы, а между тѣмъ беки грабили народъ всеподъ тѣмъ же предлогомъ—необходимости оборонить страну отъ русскихъ. Когда недовольство стало общимъ, вспомнили, что эмиръ подалъ примѣръ побѣга изъ-подъ Ирджара послѣ первыхъ русскихъ выстрѣловъ и стали обвинять его въ равнодушіи къ положенію мусульманства—обвиненіе очень тяжелое въ странѣ ханжей и фанатиковъ. Попавши на тему, которая всегда выгодна мусульманскому духовенству, улемы подняли голосъ и стали требовать борьбы съ русскими на смерть, доказывая народу, что Богъ не выдастъ мусульманъ пришлымъ кяфирамъ. Остальная часть народа, тоже не особенно расположенная къ русскимъ, но менѣе ослѣпленная фанатизмомъ, начала требовать войны рѣшительной, либо прочнаго мира, лишь бы миновалась неопредѣленность въ отношеніяхъ съ русскими.

Но вести войну съ русскими было для эмира также тяжело, какъ и заключить точно опредѣленный миръ. Въ первомъ случаѣ онъ могъ потерять все, даже самую жизнь, которая стала бы тогда игралищемъ въ рукахъ фанатической толпы. Что касается до мира, то наслѣдникъ Тамерлана былъ бы, вѣроятно, не прочь отъ его заключенія, но такимъ образомъ, чтобы какъ-

въ заключенія, но такимъ образомъ, чтобы какъ-
нибудь удержать свое первенствующее положеніе
въ Средней Азіи. Ему, хранителю вѣры, казалось
невозможнымъ сознаться передъ мусульманскимъ
міромъ въ торжествѣ гауровъ, которое онъ дол-
женъ былъ закрѣпить своею печатью. Подписать
такой миръ, значило для него дать постоянный
и вѣрный предлогъ къ опаснымъ нападеніямъ со
стороны внутреннихъ и вѣншихъ своихъ вра-
говъ. Если, какъ владычельному лицу, ему, мо-
жетъ быть, и была понятна необходимость для
Бухары прочнаго мира, то, какъ главѣ средне-
азиатскаго духовенства, ему было трудно своею
собственною рукою подписать отреченіе отъ
нравственнаго преобладанія его государства надъ
сосѣдними странами. Оттого онъ колебался,
искалъ опоры со всѣхъ сторонъ; оттого онъ,
вѣроятно, предлагалъ миръ генераламъ Черняеву
и Романовскому, а потомъ отступался отъ сво-
ихъ предложеній; оттого онъ колеблется и до
сихъ поръ сдѣлать тотъ или другой рѣшитель-
ный шагъ.

Такъ какъ усиленные сборы производились
эмиромъ подъ предлогомъ войны съ русскими,
то борьба съ нами стала для него какъ бы обя-
зательною и подписаніе мирныхъ условій было
очень затруднено положеніемъ, въ которое по-
ставлялъ себя Музаффаръ. Это же фальшивое по-
ложеніе дѣлало и войну съ нами опасною для
эмира, потому что успѣхъ противъ русскихъ
становился какъ бы обязательнымъ, по соразмѣр-
ности съ жертвами, принесенными бухарцами.

Разсчитывая на такія обстоятельства и имѣя
въ виду абсолютную власть эмира въ Бухарѣ,
казалось, что самый разумный способъ дѣйствія
заключался въ терпѣніи и выдержкѣ, какъ въ
единственныхъ надежныхъ средствахъ достигнуть
не торопясь того, чего нельзя было сдѣлать въ
короткое время. Судя по фактамъ, можно ви-
дѣть, что такъ и дѣйствовалъ туркестанскій ге-
нераль-губернаторъ. Понимая трудное положеніе
эмира, онъ хотѣлъ игнорировать его двоядушное
поведеніе относительно Россіи, равно какъ и
нападеніе шаекъ, посылаемыхъ къ нашимъ гра-

нападеніе шаекъ, посылаемыхъ къ нашимъ границамъ чиновниками Музаффара. Требовать категорическаго и быстрого отвѣта на мирныя предложенія, — значило заставить эмира очертя голову кинуться на русскихъ; видѣть въ разбойническихъ нападеніяхъ на нашу границу руку эмира — значило поставить себя въ необходимость идти немедленно на Самаркандъ. Оставаться спокойнымъ въ виду всѣхъ бухарскихъ махинацій — значило доказывать всей Средней Азии наше малодушіе; значило отнимать у эмира обаяніе слабаго, защищающагося противъ нападеній сильнаго врага и, въ тоже время, давать ему возможность выпутаться изъ своего затруднительнаго положенія.

Генераль-губернаторъ предполагалъ выѣхать въ Петербургъ даже въ томъ случаѣ, если бы утвержденныя условія мира не были присланы изъ Бухары къ 9-му апрѣля. Очевидно, онъ хотѣлъ продолжать держаться системы выжиданія. Генералу же, который бы остался въ качествѣ командующаго войсками округа, предполагалось дать инструкцію, согласно которой наши войска должны были держаться на границѣ въ оборонительномъ положеніи. Войскамъ разрѣшалось переходить границу въ томъ только случаѣ, если бы вблизи ея собралась большая масса неприятеля, принявшаго угрожающее противъ насъ положеніе. По соображенію всѣхъ сторонъ дѣла, кажется, что такой способъ былъ единственнымъ средствомъ предотвратить войну съ Бухарою, и если бы эмиръ Музаффаръ обладалъ хотя нѣкоторою способностію сдерживать народныя страсти, то время заставило бы его заключить прочный миръ съ Россією.

Уже всѣ приготовленія къ отъѣзду генераль-губернатора въ Петербургъ были окончены, когда 8-го апрѣля съ разныхъ сторонъ стали получаться такія свѣдѣнія, что нельзя было оставаться спокойнымъ въ виду послѣднихъ происшествій въ Бухарѣ.

Эмиръ, связанный желаніемъ духовенства воевать съ Россією, откладывалъ начало войны отъ одного праздника до другаго. Улемы думали,

о что Курбанъ-Байрамъ, когда мусульмане, по
примѣру Авраама, въ доказательство своей вѣры,
готовы принести всякую жертву, — будетъ сиг-
наломъ войны съ русскими; когда же этого не
случилось, то бухарское духовенство объявило
и себя открыто противъ эмира. Подъ конецъ Кур-
банъ-Байрама, эмиръ отправился на богомолье
къ могилѣ Богуедина, находящейся въ одномъ
тамъ (въ 8-ми верстахъ) отъ Бухары. Пользуясь
его отсутствіемъ, улемы составили ривоядъ (*),
на основаніи котораго всякій, кто не хочетъ измѣ-
нить мусульманству, обязанъ взяться за оружіе,
чтобы освободить правовѣрныхъ отъ владычества
русскихъ. Ривоядъ былъ покрытъ печатами всехъ
улемовъ, и духовенство стало возбуждать народъ
противъ эмира, предлагая свергнуть его и воз-
вести либо его сына, живущаго въ Бухарѣ,
либо племянника, бѣжавшаго въ Шахрисабъ.
Кушбеги далъ знать эмиру о грозящей ему опас-
ности и совѣтовалъ не ворочаться въ Бухару.
Вѣроятно съ цѣлю удостовѣриться въ томъ,
Музаффаръ, отъ могилы Богуедина, поѣхалъ къ
Бухарѣ, но на пути былъ встрѣченъ огромною
толпою, которая осыпала его упреками, обви-
няла въ нерадѣніи къ мусульманству и въ томъ,
что деньги, собранныя противъ русскихъ, упо-
треблены не по назначенію. Эмиръ, со свитою
въ нѣсколько человекъ, повернулъ тогда на го-
родъ Гижъ-Дуванъ. По пути слѣдованія эмира,
народъ разбѣгался изъ селеній и на каждомъ
ночлегѣ въ комнату, имъ занимаемую, подбра-
сывали записки, въ которыхъ говорилось, что
онъ будетъ убитъ, если не приметъ мѣръ къ
изгнанію русскихъ изъ Средней Азіи. Одинъ
очевидецъ рассказывалъ, что эмиръ, пріѣхавши
въ Гижъ-Дуванъ, весьма значительный торговый
пунктъ, былъ встрѣченъ только нѣсколькими
людьми; улицы же этого селенія, базаръ и лавки
были совершенно пусты. Изъ Гижъ-Дувана эмиръ
направился на Бостанъ и Кермене и отсюда
провозгласилъ газать (священную войну) про-
тивъ русскихъ, съ цѣлю освободить всехъ прав-
вѣрныхъ.

вѣрныхъ.

Такимъ образомъ духовенство, возбужденное слѣпымъ фанатизмомъ, успѣло довести дѣло до конца, благодаря бездарности Музаффера. Если купечество не рѣшительно протестуетъ противъ войны съ нами, то это, кажется, потому, что считаетъ лучшимъ средствомъ погубить ненавистнаго эмира, пославши его подъ русскія пули. Если онъ тамъ не будетъ убитъ, то тогда легко будетъ свергнуть Музаффера, опираясь на неспособность его защитить мусульманство.

По пути въ Кермене, эмиръ получилъ свѣдѣнiе о движенiи Гриппенберга по сѣверному склону Нуратынъ-Тау и о разбитiи бухарскихъ войскъ. Дѣло Гриппенберга, можетъ быть, способствовало новому удару, обрушившемуся на эмира. Отрядъ авганцевъ, служившихъ эмиру уже четыре года, вмѣстѣ съ рѣшенiемъ эмира начать войну, получилъ приказанiе идти изъ Бухары къ Нуратъ. Этотъ отрядъ, вследствие неаккуратной уплаты жалованья, притѣсненiй всякаго рода и въ особенности продолжительнаго ареста, въ которомъ содержались многие ихъ начальники, — былъ озлобленъ на бухарцевъ. Приблизившись къ русской границѣ, авганцы бросились на войска Нуратинскаго бека, разбили ихъ, отняли 2 орудiя и 12-го апрѣля, въ составѣ 284 человекъ, перешли въ Джюзакскiй уездъ, близъ селенiя Яны-Кшилакъ. Начальникъ авганцевъ, Искандеръ-ханъ, сынъ Магометъ Азми-хана и внукъ, по матери, Достъ-Магомеда, договоривавшiйся отъ имени своихъ товарищей о пропускѣ въ наши предѣлы, передалъ черезъ посланца, что тяжелое положенiе, въ которомъ авганцы находились въ Бухарѣ, заставляетъ ихъ искать убѣжища подъ защитою всемогущаго и милостиваго Блага Царя. Изъ числа перешедшихъ къ намъ авганцамъ, 140 человекъ прибыли уже въ Ташкентъ, а остальные, подъ начальствомъ Искандеръ-Хана, выразили желанiе дѣйствовать противъ бухарцевъ, если бы началась съ ними война, почему и оставлены на передовой линiи.

Единовременно съ переходомъ авганцевъ, бухарское духовенство стало стекаться со всѣхъ сторонъ къ Самарканду, для борьбы съ рус-

сторонѣ къ Самарканду, для борьбы съ русскими. Лазутчики утверждаютъ, будто ихъ собралось близъ этого города около 20,000. Сарбазы, полурегулярныя войска эмира, сосредоточены, кажется, въ Самаркандѣ. Такимъ образомъ около этого пункта собралась весьма значительная масса людей, желающихъ встрѣчи съ нами.

Музаффаръ призывалъ также къ участию къ борьбѣ противъ русскихъ хивинскаго и коканскаго хановъ. Первый, кажется, не соглашается воевать съ Россіею, а Худояръ-ханъ, котораго поведеніе, въ последнее время, отличается большимъ тактомъ, общаетъ эмиру помощь въ томъ случаѣ, если онъ возьметъ Джюзакъ и разобьетъ русскихъ въ чистомъ полѣ.

Наканунѣ своего отъѣзда на передовую линію, туркестанскій генераль-губернаторъ писалъ къ Худояръ-хану, что онъ откладываетъ свою поездку въ Петербургъ, и что можетъ быть, передъ отъѣздомъ, ему придется наказать нарушителей мира и спокойствія. Это письмо вручено, для передачи Худояръ-хану, Мирзѣ Хакиму, умному коканскому купцу, жившему въ Ташкентѣ въ качествѣ довѣреннаго лица отъ хана, и черезъ посредство котораго велись переговоры о безпошлинномъ транзитѣ для нашихъ каравановъ черезъ Коканскія владѣнія въ Кашгаръ, и для коканскихъ—черезъ русскую территорію въ Бухару.

Предложивши Мирзѣ Хакиму отвезти письмо къ Худояръ-хану, генераль-губернаторъ имѣлъ вѣроятно въ виду, кромѣ желанія извѣстить хана, что онъ не поѣдетъ въ Петербургъ, еще другую цѣль.

По полученнымъ въ Ташкентѣ свѣдѣніямъ, въ средѣ коканскаго населенія существуетъ также фанатическое возбужденіе противъ русскихъ, хо-

(*) Ривоядомъ называется подборъ статей изъ Корана или жизни имамовъ, указывающій, какъ слѣдуетъ поступить въ данномъ случаѣ. После того, какъ къ ривояду будутъ приложены печати улемовъ, онъ становится фатьвою, т. е. получаетъ силу закона для мусульманъ.

тя можетъ быть въ меньшей степени, чѣмъ въ Бухарѣ. Самый дворъ хана разделяется на двѣ партіи, изъ которой одна враждебна Россіи. Фактическая глава партіи, желающей съ нами мира, есть Мирза Хакимъ, человекъ, имѣющій большое вліяніе на Худояръ-хана. Такимъ образомъ, присутствіе Мирзы Хакима при ханѣ, въ пору броженія умовъ, совершенно необходимо.

Вѣроятно, чтобы избавиться отъ вліянія духовенства, которое въ Коканѣ, какъ и въ большей части Средней Азіи, враждебно Россіи, Худояръ-ханъ въ настоящее время предпринялъ со всѣмъ дворомъ увеселительную поѣздку въ горы, лежащія къ югу отъ Намангана. О положеніи дѣлъ въ Коканѣ получаютъ частыя и вѣрныя свѣдѣнія.

Провозгласивши газать, бухарскій эмиръ просилъ, говорятъ, помощи у одного изъ претендентовъ на авганскій престолъ. Лазутчики прибавляютъ, что авганцы будто бы обѣщались прислать въ помощь значительный отрядъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ заявили, что лучше бы было, если бы эмиръ позволилъ пройти авганистанскимъ войскамъ черезъ его владѣнія, чтобы они могли начать самостоятельную войну съ русскими. Эмиру, однако, это предложеніе показалось на столько подозрительнымъ, что онъ, будто бы, отказался даже отъ помощи, предлагаемой авганцами.

Гораздо больше безпокойства возбуждаетъ владѣтель Алтышара, Якубъ-бекъ, тѣмъ положеніемъ, которое онъ, въ последнее время, принялъ относительно Россіи. Уже съ давнихъ поръ ходили слухи о сношеніяхъ, которыя поддерживаются между ними и бухарскимъ эмиромъ. Въ то же время было извѣстно, что Якубъ-бекъ, бывший подданный Худояръ-хана, не только не хочетъ платить подати, которую вносили коканскому хану китайцы за владѣніе Алтышаромъ, но грозитъ выгнать Худояра и занять все ханство.

Въ началѣ этого года изъ Ташкента отправились въ Алтышаръ два русскихъ каравана: одинъ, принадлежащій горбатовскому 1-й гильдіи купцу Ивану Первухину, направился на Коканъ, Ушъ,

Ивану Первущину, направился на Коканъ, Ушъ, Кашгаръ Даванскій переваль и Кашгаръ; другой пошелъ восточнымъ берегомъ Иссыкъ-Куля, черезъ Заукинскій проходъ, къ гор. Аксу, съ тѣмъ, чтобы пойти далѣе тоже на Кашгаръ.

По приходѣ въ Кашгаръ каравана Первущина, весь товаръ былъ цѣликомъ скупленъ самимъ Якубъ-бекомъ за ямбы (слитки серебра, въ 4¹/₂ фунта каждый), съ расчетомъ по 125 р. и

112—120 руб. Затѣмъ Якубъ-бекъ передалъ прикащику Первущина, что не пустить болѣе въ свое государство русскихъ каравановъ и зарѣжетъ каждаго русскаго, который осмѣлится явиться въ Кашгаръ. Объ этомъ была поставлена въ извѣстность контора Хлудовыхъ. Между тѣмъ караванъ Михаила Хлудова, пройдя Тянь-Шаньскія горы Заукинскимъ проходомъ, частію расторгвался въ гор. Аксу и затѣмъ, вѣроятно, не зная еще объ угрозы Якубъ-бека, направился въ Кашгаръ. Не доходя этого города, какъ рассказываетъ купецъ Первущинъ, получившій свѣдѣнія изъ Кашгара, Хлудову и его прикащику завязали глаза и отвели въ назначенное имъ помѣщеніе, а весь товаръ секвестровали въ казну Якубъ-бека (*). Если бы это и было вѣрно, то едва-ли можно полагать, что Хлудовъ будетъ убитъ; вѣроятнѣе думать, что его продержатъ въ заключеніи до выясненія нашихъ дѣлъ съ Бухарою.

Наканунѣ предполагавшагося отъѣзда генералъ-губернатора въ Петербургъ, изъ Вѣрнаго прѣѣхалъ военный губернаторъ Семирѣченской области, который доложилъ, что недавно одинъ манапъ дикокаменныхъ киргизъ (Токмакского уѣзда) затѣялъ переписку съ Якубъ-бекомъ. Изъ схваченнаго письма видно, что Якубъ-бека называетъ этотъ манапъ своимъ великимъ государемъ и бранить русскихъ. Вскорѣ затѣмъ въ Токмакѣ получились свѣдѣнія о появленіи на рѣкѣ Нарынѣ кашгарскихъ отрядовъ. Начальникъ Токмакского уѣзда выступилъ съ небольшимъ числомъ казаковъ на Нарынъ и, при его приближеніи, кашгарцы удалились за горы. Судя по величинѣ костровъ, оставшихся на ихъ ночлегахъ, можно предположить, что число кашгар-

гахъ, можно предположить, что число кашгарцевъ, показавшихся изъ за Тянь-Шаня, равнялось приблизительно 250 человекъ. Во время пребыванія генерала Колпаковского въ Ташкентъ, получена была новая эстафета отъ начальника Токмакского уѣзда о появленіи кашгарскихъ отрядовъ на Нарынѣ. Тогда же туркестанскій генераль-губернаторъ приказалъ генералу Колпаковскому немедленно отправиться въ Токмакъ и, ускоривъ движеніе изъ Вѣрнаго трехъ ротъ, назначенныхъ на постройку постоянного моста и укрѣпленія на рѣкѣ Нарынѣ, двинуть ихъ Буамскимъ ущельемъ для очищенія страны отъ вторженія кашгарцевъ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній отъ генерала Колпаковского еще не получено.

Вѣрны-ли слухи о появленіи кашгарцевъ на сѣверную сторону Тянь-Шаня или нѣтъ, но, кажется, можно думать, что Якубъ-бекъ, находящійся въ дружественныхъ сношеніяхъ съ эмиромъ, сдѣлаетъ попытку помочь ему. Лазутчики говорятъ, что владѣтель Алтышара, не смотря на свои натянутыя отношенія къ Худояръ-хану, предлагалъ ему идти вмѣстѣ противъ русскихъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, войною Кокану. На предложеніе это Худояръ-ханъ будто бы отвѣчалъ, что, въ случаѣ неудачи, придется первымъ отвѣчать коканскому ханству, у котораго нѣтъ силъ бороться противъ Россіи.

Изъ настоящаго очерка политическаго положенія нашего въ Средней Азійи можно ясно видѣть, что оставаться долѣе хладнокровнымъ зрителемъ совершающагося противъ насъ въ Средней Азійи движенія было бы не только неосторожно, но даже неблагоприятно. Нельзя было безнаказанно допустить бухарскому эмиру волновать населеніе и мѣшать дѣлу организациі края. Туркестанскій генераль-губернаторъ былъ вынужденъ начать военныя дѣйствія и заставить эмира поплатиться за свои безумныя попытки.

(*) Это извѣстіе, по разнымъ соображеніямъ, необходимо принять очень осторожно.

— 244 —

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ИЗЪ ТУРКЕСТАНА.

Послѣдній походъ противъ Бухарцевъ, ознаменованный взятіемъ священнаго мусульманскаго города, безспорно будетъ занимать одно изъ лучшихъ мѣстъ въ будущей исторіи занятія нами Туркестана. Не говоря уже о всегдашнихъ славныхъ подвигахъ войскъ нашихъ и проявленныхъ въ особенности въ послѣднемъ походѣ, походъ этотъ знаменитъ по своему блестящему результату, именно по первой денежной контрибуціи, взятой съ дикаго азіатскаго государства.

Въ среднихъ числахъ апрѣля генераль губернаторъ собирался въ Петербургъ. Въ приказѣ по Ташкентскому гарнизону на 14 апрѣля даже было объявлено, между прочимъ, нашей сборной сотнѣ конвоировать генерала до первой станціи по дорогѣ къ Чемкенту. Мы приготовились, какъ вдругъ поѣздка генерала была отложена. Потомъ пошли, сначала глухіе а потомъ все яснѣе и яснѣе слухи о походѣ, который официально и былъ объявленъ намъ поутру 16 числа. Вечеромъ, этого же дня, сотня наша выступила изъ Ташкента.

Провсю недобросовѣстную и вѣроломную политику Бухарскаго Эмира, политику, вызвавшую генерала Кауфмана открыть военныя дѣйствія, я говорить не стану потому, что всё это давно всѣмъ извѣстно изъ газетъ; я не буду, по этой же причинѣ, говорить объ общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій съ точекъ зрѣнія стратегической и тактической, а буду рассказывать только то, что видѣлъ и слышалъ самъ.

17 апрѣля мы вступили въ Чиназь, 18 переправились на лѣвый берегъ Сыра, куда, на другой день, переправился командующій войсками округа. Конвоируя его превосходительство черезъ голодную степь, между Чиназомъ и Джизакомъ, мы къ вечеру 20 апрѣля пришли въ Джизакъ, гдѣ собирались тогда войска дѣйствующаго отряда.

27 отрядъ двинулся къ Яны-Кургану, а 29 въ составѣ 20^{1/2} ротъ пѣхоты, 6-ти сотенъ казаковъ,

16-ти орудій съ 8 ракетными станками, перешоль границу. Изъ нашихъ уральскихъ сотенъ были въ отрядѣ: 1-я—есаула П. Хорошхина и 4-я—сотника Кирилова 2-го.

1-го мая мы подходили въ Самарканду. Голая безжизненная степь, лежащая между Яны-Курганомъ и Самаркандомъ, начала видоизмѣняться по приближеніи къ послѣднему, начали попадаться кишлаки (деревни), вдали видѣлась прекрасная Зарявшанская долина, покрывал садами, а за нею возвышались Чаканъ-Атинскія вершины. Кавалерія отряда шла въ авангардѣ. Около 11 часовъ мы спустились въ долину Зарявшана и вскорѣ насъ встрѣтили выстрѣлы... Это были первые боевые выстрѣлы начинавшейся компаніи.

Половдя въ рѣкѣ, войска начали выстраиваться въ боевой порядокъ. Чтобы прогнать, собравшуюся вправо отъ дороги, шайку бухарцевъ, дежурта была кавалерія; непріятель, какъ видится, былъ прогнанъ. Затѣмъ кавалерія получила приказаніе придвинуться къ пѣхотѣ, которая въ это время готовилась къ атакѣ.

Всѣ Чаканъ-Атинскія высоты, находившіяся отъ насъ на той сторонѣ Зарявшана, были усѣяны непріятелемъ. Мѣстахъ въ четырехъ стояла его артиллерія, изрѣдка пускавшая въ насъ ядра, которыя преимущественно перелетали далеко надъ головами. Часа въ 2 по полудню наконецъ поданъ былъ, нетерпѣливо ожидаемый войсками, сигналъ «наступление». Пѣхота въ ротныхъ колоннахъ, предшествуемая густою цѣпью стрѣлковъ, смѣло и весело пошла въ рѣку. По горло въ водѣ, громимые выстрѣлами непріятельской артиллеріи, войска наши перешли, одинъ за другимъ, три рукава быстро Зарявшана и съ крикомъ «ура» начали штурмъ высотъ. Непріятель защищался отчаянно такъ, что многіе изъ бывавшихъ уже въ дѣлахъ съ здѣшними азіатцами, говорили, что они съ ихъ стороны въ полевыхъ дѣлахъ никогда еще не встрѣчали такого мужественнаго сопротивленія. Нѣкоторыя орудія были взяты не прежде, какъ вся прислуга, отчаянно защищаясь, была перебита. Но много и бѣжало тогда, когда лишь наше «ура» раздалось подъ горой. На горѣ, во многихъ мѣстахъ, валялись кожаные

шальвары, чалмы, туфли и сапоги, на бѣгу, для легкости, скидаемые и бросаемые бухарскими войсками. Тѣлами сарбазовъ въ ихъ красныхъ курткахъ была покрыта вся передняя возвышенность штурмованной высоты.

21 орудіе были трофеями этого молодецкаго дѣла.

Потеря наша собственно убитыми и смертельно ранеными было: 1 оберъ-офицеръ и около 5—6 нижнихъ чиновъ.

На другой день явилось нѣсколько человекъ жителей съ предложеніемъ добровольной сдачи Самарканда. Такимъ образомъ, 2 мая, мы вступили въ столицу Тамерлана—Самаркандъ. Вступая въ городъ никому почти не вѣрлось, чтобы эти фанатики могли безъ выстрѣла отдать свои святыни. Каждый думалъ о вѣроломствѣ бухарцевъ, а потому мы и вступали въ Самаркандъ съ полной осторожностью. Сомнѣнія исчезли лишь тогда, когда мы увидели нашихъ стрѣлковъ на воротахъ Самарканда. Удовольствіе выражалось на всѣхъ лицахъ, когда при вступленіи генераль губернатора, на дворъ эмирского дворца, встрѣтили его съ музыкой выстроившіеся стрѣлковый и 3-й туркестанскій баталіоны, вступившіе первыми въ городъ.

Самаркандъ городъ не очень большой; онъ развѣ въ 10 будетъ меньше Ташкента. Издали, съ своими садами и видѣющимися изъ-за-нихъ зелеными куполами мечетей, онъ кажется красивымъ. Но въѣхавъ въ его кривыя, узкія улицы, видя дома изъ глины, его ничѣмъ и не отличите отъ прочихъ городовъ Туркестана. Только развѣ зданія: эмирского дворца, мечети, училищъ (медрессе), а главное могилы святыхъ, заставляють мусульманина считать этотъ городъ наипрекраснѣйшимъ мѣстомъ на землѣ. «Самаркандъ—рукъ—заминъ т. е. лицо земли», говорятъ они.

Однимъ изъ лучшихъ достопримѣчательностей Самарканда, безспорно, эмирскій дворецъ. Зданіе этого дворца находится въ цитаделѣ и огорожено отъ прочихъ строеній сплошными каменными постройками. Внутри этихъ построекъ четыре двора, устланные жженымъ кирпичемъ. Дворецъ довольно обширенъ и во время нашего вступленія былъ рѣшительно пустъ. Вѣроятно жители сочли за лучшее

очистить его отъ всякихъ *мизантъ* вещей, какъ то: ковровъ, зеркаль и т. п. комнатныхъ украшеній. Одна изъ комнатъ дворца облеена обоями, составляющими изъ себя какую то коллекцію всеразличныхъ образцовъ обоевъ. Знаменитаго *зеленаго камня* не оказалось. Есть какое-то подобіе трона и на нёмъ камень, (только не зеленый,) на томъ мѣстѣ гдѣ, по описанію Вамбери, долженъ быть этотъ зеленый камень (*куктаишъ*). На одномъ дворѣ, гдѣ находится тронъ, давались эмиромъ торжественныя аудіенціи; на близъ лежащемъ дворѣ жили, вѣроятно, придворные, на 3-мъ—слуги, а на 4-мъ маленькомъ дворикѣ, помѣщался гаремъ.

Находясь въ Самаркандѣ довольно долгое время, я, отъ скуки, ѣздилъ по разнымъ мечетямъ, но къ сожалѣнію не записывалъ ихъ названій. Одна изъ нихъ, за городомъ, обратила мое вниманіе по своей хорошей внутренней отдѣлкѣ и въ особенности по своей святости, которой пользуется. Идя какими то лабиринтами, по громаднымъ открытымъ галереямъ и комнатамъ съ надгробіями, я дошелъ до прекрасной, устланной коврами, молельни, при видѣ которой, бывший со мной вѣстовой казакъ—татаринъ благоговѣнно всталъ на колѣни и совершилъ намазъ. Когда же я, полюбопытствовавъ посмотрѣть самую могилу святого, спускался по ступенямъ внизъ и въ темнотѣ какъ-то зашибъ голову, то провожавшіе меня благочестивые мусульмане, принявъ это, какъ оказалось впоследствии, за видимое божіе наказаніе любопытнаго *кяфъра*, сочли за долгъ предостеречь меня и въ особенности себя отъ большаго наказанія и убѣдительно просили не ходить въ глубь могилы. Исполняя ихъ просьбу, я не пошелъ дальше. Провожая меня изъ зданія, показавшій мнѣ всѣ эти святости, мулла сказалъ: «это великій нашъ святой тутъ умеръ. Если бы онъ захотѣлъ, урусь ни за что бы не взялъ Самарканду.»—«Вѣроятно, онъ по своей святости предвидѣлъ, что русскіе хорошіе люди,» сказалъ я.

Въ Самаркандѣ мы жили до 16-го мая, когда выступили къ Китты-Кургану. Отрядъ, двинутый къ Китты-Кургану, подъ начальствомъ генерала Головачева, состоялъ изъ 13-ти ротъ пѣхоты, 3-хъ сотенъ казаковъ (въ числѣ которыхъ была 4-я уральская сотня), 8-ми орудій, ракетной команды и авганской милиціи; 17-го, не доходя версты 20 до города Китты-Кургана, насъ встрѣтили, выѣхавшіе

оттуда 2 аксакала, съ предложеніемъ сдачи города. Переночевавъ верстахъ въ 5-ти отъ Китты-Кургана, мы 18-го двинулись къ этому городу и остановились при входѣ въ сады, поджидая аксакаловъ. Вскорѣ явились опять тѣ самые аксакалы, что выѣхали наканунѣ, въ сопровожденіи третьяго лица, не много знавшаго по русски. Этоъ третій, выѣхавшій къ намъ сартъ, рѣзко отличался своей физиогноміей отъ прочихъ сартовъ, съ довольно развязными манерами и, какъ оказалось впоследствии, былъ нашъ бѣглый казанскій татаринъ. Онъ привезъ какую то записку и, подавая её генералу, сказалъ, что жители впустятъ насъ въ городъ въ такомъ случаѣ, если генераль обѣщется исполнить написанныя въ запискѣ условія и въ доказательство чего приложить свою печать. Генераль не привалъ записки. «Передай жителямъ,» сказалъ при этомъ онъ, «что я не принимаю ни какихъ условій, требую безусловной сдачи города, а что жителямъ не будетъ никакого зла, въ томъ достаточно одного моего слова». Татаринъ тотчасъ перемѣнилъ тонъ и, запинаясь на каждомъ словѣ, высказалъ, что его не поняли, что жители просятъ, чтобы русскіе не разоряли городъ, оставили его цѣлымъ также, какъ оставили они Самаркандъ.—«Русскіе никогда не будутъ безоружныхъ жителей», сказалъ на это генераль.

Съѣздивши въ городъ, татаринъ вскорѣ горотился съ извѣстіемъ, что жители ждутъ наши войска. Оставивъ часть войскъ при обозѣ, генераль съ остальными войсками пошелъ въ городъ. Заиграла музыка и мы торжественно пошли по главной городской улицѣ, по обѣимъ сторонамъ которой стояли толпы жителей. Смотря на ихъ физиогноміи, не видно было на нихъ ни радости, ни горя, ни особенной злобы. Совершенно какъ бы ко всему равнодушные, выражая полнѣйшую апатію, стояли Бухарцы. Вовсе другимъ образомъ встрѣчали насъ бухарскіе евреи. Радость была написана на ихъ лицахъ; они бѣгли за нами до самой цитадели, провожая насъ различными фразами въ родѣ того, что «яши Урусъ», что «они очень, очень рады видѣть русскихъ» и т. п. Навѣрное эти фразы были отъ чистаго сердца, если принять въ соображеніе въ высшей степени не завидное общественное положеніе евреевъ въ Бухарѣ.

Китты-Курганъ—очень маленький городокъ, окруженный садами, съ красивой цитаделью, выстроен-

ной на горѣ. Бухарскія войска, какъ оказалось, бросили городъ 16-го вечеромъ. Занавши цитадель ротою пѣхоты, прочія войска расположились лагеремъ за городомъ.

Генераль со штабомъ занялъ садъ бѣжавшаго бека. Садъ былъ прекрасный: густая тѣнь деревьевъ, журчаніе арыка, глубокіе и чистые пруды; всё это вмѣстѣ придавало особенную прелесть пребыванію въ этомъ саду, въ особенности послѣ пыльной дороги при движеніи къ Китты-Кургану.

Черезъ недѣлю по взятіи Китты-Кургана, въ одинъ прекрасный день, явилось къ генералу посольство изъ Бухары. Оно состояло изъ 2-хъ посланцевъ со множествомъ служителей; одинъ изъ посланцевъ былъ какое то важное духовное лицо, кажется что то въ родѣ муфтія. По прибытіи они тотчасъ же были допущены къ генералу Головачеву. Муфтій—старикъ лѣтъ 70-ти, упирался на посохъ и былъ поддерживаемъ подъ руки, можетъ быть для большей важности. Посадивше посланцевъ на стулья, на которыхъ они, скажу между прочимъ, не совсѣмъ то ловко сидѣли, генераль предложилъ имъ чаю. Муфтій началъ рѣчь съ того, что эмиру уже паскучила война, что онъ хочетъ мириться и вотъ прислалъ знатныхъ людей, что бы сдѣлать мирныя условія. «Я,—говорилъ муфтій,—одинъ изъ самыхъ ученыхъ людей Бухары; а этотъ,—сказалъ онъ, указывая на другаго,—военный человѣкъ.» Муфтій назвалъ его чинъ,—вышло что-то въ родѣ нашего полковника. Этотъ бухарскій полковникъ былъ среднихъ лѣтъ, въ богатомъ вооруженіи и все время молчалъ, изрѣдка злобно поглядывая на, стоявшаго близъ генерала, Искандеръ хана—начальника авганскаго отряда, передавнагося намъ еще въ началѣ апрѣля. «Я,—продолжалъ говорить муфтій,—очень ученый человѣкъ, такъ что мои книги нужно возить на 5-ти верблюдахъ.» Не желая, навѣрное, прослыть за невѣжду, онъ, принимая чай, спросилъ: «гдѣ нужно держать чайную ложечку—въ стаканѣ или на блюдечкѣ?» Потомъ муфтій началъ высказывать свою ученость. Разспрашивалъ про наши города: Петербургъ, Москву, Оренбургъ, Нижній, разспрашивалъ про наши вутевыя сообщенія. Между прочимъ, когда разговоръ коснулся желѣзной дороги, то оказалось, что муфтій уже имѣлъ объ ней понятіе—только совершенно въ бухарскомъ духѣ. «Эта желѣзная дорога, говорилъ онъ, у васъ, я знаю, есть, и по ней арбы тянутъ веревками изъ одного города въ другой.» Генераль разубѣдилъ его въ этомъ пониманіи, по возможности объяснивъ ему устройство дороги; но онъ, кажется, ничего не понялъ, а остался при своемъ бухарскомъ убѣжденіи. Потомъ муфтій пустился въ географію. Спра-

шиваль, между прочимъ, почему Бѣлый Царь, такой богатый, и до сихъ поръ не устроитъ дороги черезъ свои владѣнія въ Китай, а посылаетъ корабли все мимо Индіи? Такіе и подобные имъ вопросы сыпалъ муфтіи. Наконецъ ему предложили отдохнуть съ дороги, а для его безопасности отъ всякихъ злонамѣренныхъ людей объявили, что къ его мѣстопробыванію будетъ приставленъ караулъ. Что же касается до мирныхъ переговоровъ, то генераль Головачевъ, какъ не уполномоченный вести ихъ, предложилъ посланцамъ дожидаться скораго прибытія изъ Самарканда генераль-губернатора.

Для помѣщенія посольства былъ нанятъ садъ рядомъ съ садомъ, гдѣ былъ отрядный штабъ. При этомъ владѣтель нанимаемаго сада, вѣроятно желая какъ нибудь отдѣлаться отъ гостей, запросилъ нарочно очень дорогую (по его понятіямъ) цѣну. «Я не возьму, говорилъ онъ, меньше двухъ кокановъ (*) въ день». Конечно плата эта ему дана была безъ спора. Но этотъ фактъ можетъ служить доказательствомъ какъ дороги деньги въ Бухарѣ (**).

А. Гуляевъ.

Гор. Ташкентъ, 18-го августа 1868 г.

ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ ТУРКЕСТАНСКАГО ВОЕННАГО ОКРУГА.

Послѣ занятія Самарканда, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, оставивъ въ городѣ отрядъ маіора барона Штемпеля, направился, какъ уже было сообщено въ *Русскомъ Инвалидѣ*, для атаки главныхъ силъ эмира, расположенныхъ, по слухамъ, у Кермине, на Зербулакскихъ высотахъ. Во время отсутствія нашихъ войскъ, гарнизону Самарканда пришлось выдержать восьми-дневную осаду превосходныхъ силъ непріятеля, подробности которой мы и сообщаемъ теперь нашимъ читателямъ.

Отрядъ маіора барона Штемпеля, оставленный въ городѣ и состоящій изъ четырехъ ротъ пѣхоты, роты саперъ и двухъ батарейныхъ орудій, представляя силу въ 638 штыковъ, считая всѣхъ нестроевыхъ и слабыхъ, способныхъ носить оружіе, съ 94-мя артиллеристами. Кроме того, при отрядѣ были двѣ полу-пудовыя мортиры съ 400 гранатъ, 95 боевыхъ ракетъ, 24 бухарскихъ орудій, отбитыхъ въ дѣ-

лѣ 1-го мая, снаряды къ которымъ имѣлись хотя и въ достаточномъ количествѣ, но требовали сортировки и подбора къ орудіямъ; пороху было до 90-ти пудовъ. Патроновъ каждая часть имѣла полный комплектъ и, кроме того, въ складѣ 70 тысячъ семи-линейныхъ и 150 тысячъ шести-линейныхъ. Муки и крупы на весь гарнизонъ на два мѣсяца, кроме десяти-дневнаго сухарнаго запаса, бывшаго на рукахъ. Изъ бухар-

скихъ орудій четыре наиболее годныхъ были расклепаны, приведены въ исправность и къ нимъ подобраны снаряды; 150 бухарскихъ полу-пудовыхъ гранатъ снаряжены, благодаря запаснымъ трубкамъ, и во время осады употреблялись также ручныя гранаты. Для спуска ракетъ сдѣланы деревянные переносныя трубы.

Этому ничтожному по численности отряду пришлось имѣть дѣло, какъ впоследствии по собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, съ шайками непріятеля, состоящими изъ 25-ти тысячъ шахрисябцевъ, подъ предводительствомъ Джура-бека и Баба-бека, 15-ти тысячъ китай-кипчаковъ, подъ начальствомъ Адиль-Датха, до 15-ти тысячъ самаркандцевъ и жителей окрестныхъ деревень, а также и другихъ мелкихъ племенъ, подъ предводительствомъ Хусанъ-бека, Абдуль-Гафда-бека и Омаръ-бека.

Тотчасъ по выступленіи главныхъ силъ изъ Самарканда, 30-го мая, гарнизономъ были приняты мѣры на случай нападенія непріятеля: приступлено къ проводу воды во всѣ пруды цитадели и освѣженію ея, что дало возможность впоследствии, въ теченіе всей осады, имѣть хорошую воду. Одновременно съ этимъ очищенъ и приведенъ въ порядокъ родникъ, находящійся вблизи цитадели, и приступлено къ обрытію покостей слабой части верковъ цитадели, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ихъ недоступными эскалдамъ. На кладбищѣ, близъ самаркандскихъ воротъ, насыпано два барбета и начато приспособленіе для постановки орудія у сарбазскаго двора, оконченное уже въ ночь на 4-е іюня.

Линія огня цитадели представляет неправильный многоугольникъ, длиною до $2\frac{1}{2}$ верстъ, что, разумѣется, отнимало возможность непрерывнаго занятія ея такимъ малочисленнымъ отрядомъ, но, къ счастью, стѣны цитадели, высокою въ 3, 4, а мѣстами въ 6 сажень, не допускали эскалады и позволяли сосредоточить оборону только въ нѣкоторыхъ наиболее доступныхъ пунктахъ. Такими пунктами были двое воротъ: самаркандскія и бухарскія, съ проломами вблизи нихъ находящимися, кладбище, сарбазскій дворъ и часть стѣны противъ нашего провіантскаго склада. Орудія наши до нападенія непріятеля были размѣщены такъ: 2 орудія (бухарскихъ) на барбетахъ на кладбищѣ и одна мортира также на барбетѣ близъ сарбазскаго двора, остальные: батарейный ваводъ, еще мортира и 2 бухарскихъ орудія были въ резервѣ.

Дѣйствія начались, какъ обыкновенно, предательствомъ самаркандцевъ. 1-го іюня аксакалы отъ ходжи-арарскихъ воротъ пришли къ начальнику отряда съ жалобою, что шахрисябцы стоятъ подъ воротами и хотятъ ворваться въ городъ. Командированный къ воротамъ майоръ Альбедиль донесъ, что показанія жителей ложны и что шаекъ шахрисябцевъ у воротъ нѣтъ, между тѣмъ какъ въ окрестностяхъ, на Чапанъ-атинскихъ высотахъ, замѣчены значительныя партіи конныхъ и пѣшихъ китай-кипчаковъ и другихъ жителей окрестныхъ деревень. На слѣдующій день аксакалы вновь обратились къ начальнику отряда съ тою же жалобою. Тогда майоръ Штемпель, внявъ ихъ показаніямъ, взялъ съ собою 2 роты и 2 орудія и, придя къ воротамъ, увидѣлъ небольшую непріятельскую партію, которая разсѣялась при первыхъ выстрѣлахъ. Въ это время аксакалы стали просить майора Штемпеля не стрѣлять вправо отъ воротъ, потому что, по ихъ словамъ, здѣсь находились самаркандцы, непринимавшіе участія въ дѣлѣ; между тѣмъ оказалось, что именно по этому направленію двигаются большія массы шахрисябцевъ въ обходъ нашего отряда. Тогда майоръ Штемпель обратился противъ этихъ массъ, настигъ ихъ и гналъ по бухарской дорогѣ до нашей прежней лагерной стоянки, послѣ чего, убѣдясь въ измѣнѣ жителей, вошелъ въ цитадель и заперъ ворота.

Около часа спустя, по всему городу раздался барабанный бой, звуки трубъ и крики: «уръ, уръ!», которые все болѣе и болѣе увеличивались, разливаясь по городу. Толпы непріятеля, вошедшаго въ городъ, совместно съ жителями

со всѣхъ сторонъ приближались къ цитадели, съ явнымъ намѣреніемъ въ нее ворваться.

По тревогѣ войска заняли уже прежде указанные мѣста, расположившись преимущественно въ слабыхъ пунктахъ стѣны; въ резервъ остались: часть 1-й роты, взводъ 3-й роты и слабые 9-го батальона. Остальные слабые, нестроевые и обозные казаки были расположены вдоль стѣны съ западной стороны. Одно батарейное орудіе направлено къ кладбищу, другое—къ бухарскимъ воротамъ. Шахрисябцы густыми массами обложили цитадель, и бой загорѣлся на всѣхъ пунктахъ, только благодаря отсутствію единства дѣйствій непріятели, наши храбрыя войска, перебѣгая отъ одного угрожаемаго пункта къ другому, могли удержаться вездѣ.

Бухарскія ворота, защищаемыя отрядомъ майора Альбедилья, состоявшимъ изъ 26-ти стрѣлковъ съ прапорщикомъ Топчевскимъ и 40 человекъ 1-й роты подъ командою прапорщика Аничкова, были два раза атакованы густыми массами шахрисябцевъ, имѣвшихъ целью зажечь или проломить ворота, но каждый разъ были отбиваемы нашими войсками. При второмъ штурмѣ, когда пришлось отбивать непріятели подъ сильнымъ огнемъ его стрѣлковъ, засѣвшихъ въ сакляхъ, много пало нашихъ храбрецовъ, и между ними раненъ майоръ Альбедилья, передавшій начальство прапорщику Аничкову. Послѣ этого непріятели еще два раза штурмовали ворота, но были отбиты при помощи взвода 3-й роты, подъ командою прапорщика Сидорова, только-что участвовавшаго въ отбитіи непріятели на другомъ пунктѣ. Наконецъ, ворота загорѣлись. Тогда начальникъ отряда, желая воспользоваться опытомъ и знаніемъ дѣла подполковника Назарова, хотя неоправившагося отъ болѣзни, но находящагося въ рядахъ, перевелъ его съ саперною ротою къ бухарскимъ воротамъ. Саперы застали ворота разрушенными и въ полномъ пламени. Не смотря на это, подпоручики Черкасовъ и Воронежъ, съ своими саперами, подъ сильнѣйшимъ

ронеть, съ своими саперами, подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятеля успѣли устроить заваль изъ мѣшковъ съ землею, для орудія, которое картечными выстрѣлами успѣло отбить врывавшагося непріятеля. Ночью были отбиты еще три штурма утомленными войсками, и бухарскія ворота остались въ нашихъ рукахъ.

Проломъ львѣе бухарскихъ воротъ былъ также атакованъ массами непріятеля, который, не видя возможности взобраться на глиняную стѣну, началъ ее подкапывать, успѣлъ обрушить и бросился въ обвалъ, но былъ отбитъ саперами и слабыми 9-го баталіона, приведенными на помощь подполковникомъ Назаровымъ. Попытки непріятеля ворваться въ проломъ возобновлялись два раза днемъ и нѣсколько разъ ночью, но каждый разъ были отбиваемы, причемъ особую услугу нашимъ войскамъ оказали ручныя гранаты и мортиры.

Самаркандскія ворота, защищаемыя прапорщикомъ Маминымъ съ командою въ 30 человекъ, отбивались съ успѣхомъ отъ превосходнаго непріятеля. Во время штурма прибѣжалъ изъ резерва прапорщикъ Сидоровъ со взводомъ 3-й роты, помогъ отбить штурмъ и бросился, какъ мы видѣли, къ бухарскимъ воротамъ на помощь отряду маіора Альбеделя. По уходѣ Сидорова, прибылъ капитанъ Шеметилло, соединился съ командою прапорщика Мамина, отбилъ штурмовавшую колонну человекъ въ 500 и затушилъ ворота, зажженные непріятелемъ. Въ продолженіи дня и ночью непріятель, покушавшійся ворваться, каждый разъ былъ отбиваемъ и отступалъ съ такою поспѣшностью, что даже оставлялъ неубранныя тѣла.

Кладбище, защищаемое взводомъ 3-й роты 6-го баталіона, слабыми 5-го баталіона, двумя бухарскими и однимъ нашимъ батарейнымъ орудіями подъ командою подпоручика Лепехина, должно было выдержать первый натискъ непріятеля. Огонь стрѣлковъ и орудій, а также крутыя стѣны не допустили непріятеля до штурма; отбитый, онъ бросился на самаркандскія ворота, но отброшенный и здѣсь, засѣлъ въ сакли, началъ сильную перестрѣлку и вновь съ отчаяніемъ бро-

сильную перестрѣлку и вновь съ отчаяніемъ бросился на стѣны, цѣпляясь желѣзными кошками и оружіемъ. Храбрый подпоручикъ Лепехинъ, при этомъ и словомъ ободряя солдатъ, самъ заряжалъ орудіе, и благодаря его энергіи, отчаянный штурмъ былъ отбитъ. — Но отбитіе этого приступа дорого намъ стоило: подпоручикъ Лепехинъ убитъ, прапорщикъ Адорацкій раненъ, интендантскій чиновникъ Ивановъ убитъ и прикащикъ Самаринъ, находившійся въ рядахъ, — раненъ.

За сарбазскимиъ дворомъ непріатель отбитъ 2-ю ротою 6-го баталіона, при помощи мортиры и ручныхъ гранатъ.

Западная часть стѣны, занятая слабыми, нестроевыми и фурштатами, выдержала въ этотъ день лишь непродолжительную перестрѣлку.

На слѣдующій день, съ разсвѣтомъ, атаки непріатели возобновились съ удвоенною силою. Около 11-ти часовъ густыя толпы штурмовали во 2-й разъ бухарскія ворота, и не смотря на картечный огонь, взобрались на завалъ и осыпали наши войска тучею камней и пуль. Штыками пришлось выбивать ихъ оттуда. При этомъ штурмъ убитъ артиллеріи-поручикъ Служенко, который, смертельно раненый, падая съ лошади, ободрялъ солдатъ крикомъ: «ура! братья!»

Самаркандскія ворота также подвергались многократнымъ атакамъ; зажжены непріателемъ, ворота сгорѣли, но были заложены мѣшками, по распоряженію инженеръ-штабсъ-капитана Богаевского. Въ сумеркахъ изъ этихъ воротъ сдѣлана вылазка подъ начальствомъ капитана Шеметилло, съ цѣлью зажечь сакли и дать, такимъ образомъ, болѣе простора для картечнаго огня изъ нашихъ орудій.

Проломъ лѣвѣе бухарскихъ воротъ былъ также атакованъ рано утромъ большими массами непріателя, который выбитъ штыками стрѣлковъ и разсѣянъ съ помощью огня мортиры и ручныхъ гранатъ, брошенныхъ въ непріателя лично артиллеріи капитаномъ Михневичемъ.

Въ этотъ день подверглась также нападенію

западная сторона стѣны у провіантскаго склада. Около 10 часовъ партія пѣшихъ сартовъ бросилась къ заложеному пролому и начала разбирать его. Узнавъ объ этомъ отъ прискакавшаго казака, 25 человекъ больныхъ изъ лазарета, бывшіе въ состояніи взять ружья, бросились туда. Непрiятель, разобравъ отверстіе, ворвался, въ числѣ 30 человекъ, въ цитадель, но былъ выбитъ подоспѣвшими больными и взводомъ поручика Хрущева, прибѣжавшаго отъ сарбазскаго двора. Для защиты сдѣланнаго пролома, майоръ Штемпель назначилъ поручика Бородаевского, съ оставшимися отъ караула, слабыми 3-го баталіона, слесарями, больными и легко-ранеными; прислано бухарское орудіе и ручныя гранаты. Къ ночи больные смѣнены.

Вообще 3-го іюня самыя сильныя и дерзкія попытки были повсемѣстно до 3-хъ часовъ по-полудни; затѣмъ непріятель, какъ въ послѣдствіи оказалось, вслѣдствіе полученныхъ извѣстій о разбитіи войскъ эмира въ окрестностяхъ Каты-Кургана, отступилъ къ горѣ Ченанаты и въ сады. Шахрисябцы отступили по дорогѣ къ Ургуту. Но отдыхъ былъ непродолжителенъ: въ 5 часовъ непріятель снова вышелъ изъ садовъ и возобновилъ перестрѣлку и приступы.

Ночью съ 3-го на 4-е приступлено было, съ помощію арбачей и джигитовъ, къ расчисткѣ эспланады кругомъ эмирскаго дворца и приведенію его въ оборонительное положеніе. Принимая въ соображеніе, что въ теченіе двухъ дней у насъ вышло изъ строя до 150 человекъ и что подобная убыль можетъ продолжаться и въ слѣдующіе дни, начальникъ отряда увидѣлъ ясно, что вскорѣ прекратится возможность оборонять всѣ стѣны, по недостатку людей, и поэтому рѣшилъ, въ случаѣ если непріятель ворвется въ цитадель, собрать всѣ войска въ ханскій дворецъ и обороняться тамъ до послѣдней крайности, а въ случаѣ неудачи—взорвать порохъ и снаряды.

и снаряды.

В продолженіи *слѣдующихъ* *всѣхъ* дней, 4-го, 5-го, 6-го, 7-го и 8-го іюня, дѣйствія нашихъ войскъ представляютъ непрерывный рядъ отбитія штурмовъ, вылазокъ и неумолкаемой перестрѣлки, причемъ наши храбрыя войска не уступаютъ ни на шагъ. 8-го іюня, по прибытіи генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана къ Самарканду, гарнизонъ города на всѣхъ пунктахъ переходитъ въ наступленіе, для оттѣсненія непріятельскихъ войскъ, и этимъ заканчиваетъ свою славную оборону. Надо прибавить къ этому, что въ отрядѣ не знали ничего вѣрнаго о дѣйствіяхъ генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана; не знали, скоро-ли придетъ ожидаемая помощь, и не смотря на это, войска были все время проникнуты превосходнымъ духомъ и чувствомъ долга и безъ малѣйшаго унынія переносили чрезмѣрные труды и лишения.

Частные подвиги храбрости и самоотверженія встрѣчались на каждомъ шагу. Прапорщикъ Верещагинъ, не состоя въ отрядѣ, все время осады находился на стѣнахъ у бухарскихъ воротъ въ распоряженіи подполковника Назарова, участвовалъ во всѣхъ вылазкахъ и примѣромъ и дѣломъ ободрялъ солдатъ. Унтеръ-офицеръ 3-й роты 6-го баталіона Павелъ Притенкевичъ, видя, что непріятель врывается въ провалъ, бросился первый туда, закололъ сарта и, сломивъ штыкъ, обернулъ ружье и прикладомъ сталъ бить непріятеля; товарищи въ это время бросились ему на подмогу, а артиллеристъ Богдановъ, быстро взбѣжавъ по приставленной лѣстницѣ, успѣлъ бросить двѣ гранаты, которыя окончательно смѣшали сартовъ и заставили ихъ бѣжать. Можно сказать безошибочно, что въ дѣлѣ участвовали всѣ безъ исключенія способные носить оружіе; не говоря о слабыхъ, больныхъ и раненыхъ, всѣ русскіе купцы и прикащики были на стѣнахъ, или занимались подноскою снарядовъ къ указаннымъ мѣстамъ. Прикащикъ Оедоръ Михайловичъ Самаринъ раненъ на стѣнѣ цитадели, купецъ Турчаниновъ участвовалъ въ вылазкѣ 5-го іюня.

Эта славная восьмидневная оборона, имѣющая занять почетное мѣсто въ лѣтописяхъ храбраго

Эта славная восьмидневная оборона, имѣющая занять почетное мѣсто въ лѣтописяхъ храбраго русскаго войска, обошлась намъ не дешево. Мы потеряли убитыми: оберъ-офицеровъ 3 (*) и нижнихъ чиновъ 46; ранеными: штабъ и оберъ-офицеровъ 5 (**) и нижнихъ чиновъ 167.

Последнія пораженія, понесенныя бухарцами на Зарявшанскихъ высотахъ въ дѣлѣ 1-го мая, и послѣдующія дѣйствія нашихъ войскъ въ окрестностяхъ Самарканда, привели бухарскаго эмира къ убѣжденію въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія и побудили его просить мира. Предварительныя условія мирнаго договора, какъ уже сообщено было телеграммою, приняты генераль-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ. Подробности объ условіяхъ мира будутъ сообщены по окончательномъ утвержденіи договора.

По освобожденіи Самарканда отъ осады, генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, оставивъ въ городѣ и окрестностяхъ соотвѣтственныя ~~отряды~~ ~~и~~ ~~главными~~ войсками выступилъ ~~въ~~ ~~путь~~ ~~къ~~

(*) Поручикъ Служенко, подпоручикъ Денехинъ титулярный совѣтникъ Ивановъ.

(**) Маіоръ Альбедиль, капитанъ Михневичъ, военный инженеръ-штабсъ-капитанъ Богаевскій, прапорщикъ Адорацкій и лекаръ титулярный совѣтникъ Семеновъ.

(***) Получены чрезъ русское телеграфное агентство.

Печатаемая нами ниже свѣдѣнія о послѣднихъ происшествіяхъ въ туркестанскомъ генераль-губернаторствѣ даютъ ясное понятіе о положеніи дѣлъ на нашей границѣ съ Бухарою. Эмиръ бухарскій, Сеидъ-Музафаръ, по заключеніи съ нами мира, былъ поставленъ въ такое положеніе, что ему ничего болѣе не оставалось, какъ буквально исполнить принятыя имъ на себя по мирному договору обязательства. Если бы, во время возбужденія народныхъ страстей, удалось вступить на бухарскій престолъ сыну его, возмущавшему народъ противъ своего законнаго государя, подъ предлогомъ нарушенія эмиромъ обычаевъ и вѣры мусульманъ, заключеніемъ съ нами мирнаго договора, то трудно было бы рассчитывать на исполненіе имъ мирныхъ обязательствъ, обеспечивающихъ для обѣихъ сторонъ свободную торговлю. Нынѣ очевидно доказательство нашего миролюбія и отсутствіе въ нашихъ дѣйствіяхъ завоевательныхъ цѣлей. Поэтому можно надѣяться, что послѣдній мирный договоръ нашъ съ Бухарою будетъ все болѣе и болѣе укрѣпляться при

содѣйствіи къ тому эмира. Послѣ того, какъ войска наши, занявшія городъ Карши, тотчасъ же возвратили его бухарцамъ, упрочивъ въ немъ власть эмира, Сеидъ-Музафаръ можетъ быть убѣжденъ въ нашемъ искреннемъ желаніи сохранить съ нимъ миръ и дружественныя сношенія, а мы имѣемъ полное право рассчитывать на буквальное выполненіе договора, заключеннаго съ Бухарою.

Настоящее положеніе дѣлъ на границѣ нашей съ Бухарою.

Военныя дѣйствія нынѣшняго года въ предѣлахъ бухарскаго ханства завершились заключеніемъ мира съ бухарскимъ эмиромъ, по которому Заряджанскій край, то-есть города Самаркандъ, Катты-Курганъ и принадлежащія къ нимъ земли были заняты нашими войсками и управляются на основаніи временнаго положенія, утвержденнаго генераль-губернаторомъ. Въ силу упомянутаго мирнаго договора, бухарскій эмиръ принялъ на себя, между прочимъ, уплату контрибуціи, а также всѣ предложенныя ему обязательства и условія, касательно личной и имущественной безопасности въ предѣлахъ его ханства нашихъ купцовъ и вообще покровительства нашей торговли съ Бухарою.

Между тѣмъ, почти вслѣдъ за окончаніемъ съ нами войны, положеніе настоящаго владѣтеля Бухары, эмира Сеидъ-Музафара, внутри его владѣній оказалось не совсѣмъ прочно и твердо. Противъ власти его, какъ законнаго государя и владыки Бухары, возстали старшій сынъ его, *Катты-Тюрк*, и шахрисябзскіе беки, *Джура-Бій* и *Баба-Бій*. Катты-Тюрк, поддерживаемый обещаніями содѣйствія и помощи войсками со стороны шахрисябзскихъ бековъ, удалился изъ Бухары въ Керши и провозгласилъ себя тамъ ханомъ. Такое положеніе дѣлъ побудило Сеидъ-Музафара направить свои дѣйствія на возмутившихся противъ него старшаго сына и бековъ *Джура-Бія* и *Баба-Бія*. Съ этою цѣлью онъ предпринялъ противъ нихъ походъ и прежде всего направился съ войсками къ Керши. Выгнавъ изъ этого города сына и оставивъ здѣсь свой гарнизонъ, эмиръ пошелъ на Шахрисябзъ, куда удалился Катты-Тюрк; но, не доходя до Шахрисябза, остановился въ г. Чиракчи. Не рассчитывая на успѣхъ вооруженнаго столкновенія своихъ войскъ съ шахрисябцами, эмиръ, простоявъ въ нерѣшительности нѣсколько времени въ Чиракчахъ, отступилъ затѣмъ къ Керши и оттуда въ Бухару. Къ отступленію этому побудило эмира, между прочимъ, полученное имъ извѣстіе о беспорядкахъ и волненіяхъ въ противоположной части его владѣній, на сѣверо-востокъ отъ Бухары. Наущенный Катты-Тюркомъ, *Садыкъ*, воспользовавшись отсутствіемъ эмира изъ Бухары, возстановилъ противъ ихъ законнаго владыки жителей степнаго сѣвернаго пространства ханства, собравъ изъ нихъ шайки и занявъ города *Нурь-Ата* и *Кершине*. Вслѣдъ за отступленіемъ эмира къ Бухарѣ, сынъ его взялъ г. Чиракчи, выгнавъ изъ него гарнизонъ эмира и сталъ быстро усиливаться войсками, благодаря дѣятельности и помощи шахрисябзскихъ бековъ, которые прислали ему до 10 тыс. вооруженныхъ людей. Намѣренія враговъ эмира были совершенно ясны и опредѣлены. Дѣйствуя за-одно съ Садыкомъ, получившимъ отъ Катты-Тюрка ярлыкъ на бекство въ Кершине, они хотѣли немедленно же идти по пятамъ эмира въ Бухару, и поддерживаемые такимъ же движеніемъ Садыка со сто-

роны Кершине, овладѣть столицею ханства и свергнуть настоящаго эмира Сеидъ-Музафара съ его престола. Положеніе эмира было критическое; народъ волновался; происками, воззваніями сына онъ былъ возбужденъ противъ эмира, и походъ сына въ Бухару долженъ былъ привести его прямо на бухарскій престолъ; другаго исхода быть не могло.

Такое положеніе дѣлъ въ ханствѣ крайне невыгодно отзывалось и на населеніи временно-занятаго нами Зарявшанскаго края. Джура-Бій не разъ предпринималъ уже попытки разбойничать на нашей границѣ и притѣснять жителей порубежныхъ поселеній. Сынъ Эмира, Катты-Тюрк, началъ подсылать своихъ эмиссаровъ въ наши предѣлы со стороны Джама (*) и возстановлять чрезъ нихъ противъ нашей власти жителей кышлаковъ (селеній) южной части Катты-Курганскаго отдѣла. Въ то же время, Эмиръ бухарскій, въ виду указанныхъ выше стѣсненныхъ обстоятельствъ своихъ, обратился къ начальнику Зарявшанскаго округа, генералъ-маіору Абрамову, прося сочувствія его къ настоящему его положенію.

Миръ, заключенный нами съ Бухарою, могъ быть выполненъ только при условіи полнаго спокойствія въ ханствѣ, а также и того, чтобы владѣтелемъ его оставался настоящій Эмиръ Сеидъ-Музафаръ, такъ какъ по азіятскимъ понятіямъ, договоры и условія настоящаго владѣтеля не обязательны для его преемниковъ. Въ нашихъ видахъ и интересахъ было по этому возможное продленіе царствованія въ Бухарѣ нынѣшняго Эмира, и вслѣдствіе сего туркестанскій генералъ-губернаторъ далъ начальнику Зарявшанскаго округа, генералъ-маіору Абрамову, указанія, по которымъ онъ долженъ былъ, въ случаѣ обращенія къ нему Эмира и настоятельной въ томъ надобности, оказывать ему помощь, производя диверсіи въ его пользу, подъ предлогами передвиженій нашихъ войскъ съ разными мирными цѣлями и сборовъ отрядовъ въ предѣлахъ Зарявшанскаго округа. Въ виду такихъ указаній, изложенныхъ выше

(*) Крепостца съ небольшимъ населеніемъ вкругъ ея, лежащая на самой южной оконечности нашихъ границъ со стороны Шахрисябза и Керши.

затруднительныхъ обстоятельствъ Эмира и усложненія нашихъ собственныхъ дѣлъ на южной границѣ Зарявшанскаго округа, генеральъ Абрамовъ рѣшился удержать дальнѣйшія враждебныя дѣйствія враговъ Эмира и оказать ему, на сколько возможно, помощь. Съ этою цѣлью онъ началъ стягивать къ Джаму войска и собралъ тамъ отрядъ изъ 7-ми ротъ, 2-хъ сотенъ, 6-ти ракетныхъ станковъ и 6-ти орудій (4 конныхъ и 2 наръзныхъ). Сборъ отряда въ Джамѣ достигъ своего назначенія. Джура-Бій и Баба-Бій, принявъ это за намѣреніе наше двинуться на Шахрисябзъ, немедленно оставили Чиракчи и отошли въ свои владѣнія, къ городамъ Шаръ и Китабъ; Катты-Тюра удалился въ Карши; большая часть войскъ его, въ виду опасности отъ возможнаго наступленія русскихъ войскъ, разбѣжалась и при немъ осталось только 600 человекъ при 4-хъ орудіяхъ. Воспользовавшись этимъ неожиданно выгоднымъ для него оборотомъ дѣлъ, Эмиръ бухарскій, обезпеченный отъ наступательныхъ дѣйствій противъ него сына и шахрисябцевъ, тотчасъ же выступилъ изъ Бухары въ сѣверо-восточную часть владѣній, для возстановленія тамъ своей власти и порядка. Разбивъ на голову въ Кермине войска Садыка, который, какъ говорятъ, тяжело раненый бѣжалъ за предѣлы Бухары, назначивъ новыхъ бековъ съ соответствующими гарнизонами въ городахъ: Кермине, Хатырча и Нуръ-Ата, и водворивъ вообще порядокъ въ этой части края, эмиръ вернулся въ Бухару. — Тѣмъ не менѣе, полного спокойствія во всемъ ханствѣ еще не было; южная часть владѣній эмира, по прежнему, не признавала надъ собою его владычества. — Катты-Тюра, удалившійся, какъ сказано выше, въ Карши, снова успѣлъ усилиться войсками, числомъ до 8-ми тысячъ человекъ и по прежнему не покидалъ своихъ враждебныхъ замысловъ противъ отца. Онъ вошелъ даже въ сношеніе съ туркменами, и шайки этихъ послѣднихъ уже начали появляться на сообщеніяхъ Бухары съ Карши.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, нашъ отрядъ, собранный въ Джамѣ, не распускался и генеральъ Абрамовъ рѣшился оставить его въ этомъ пунк-

тѣ, до тѣхъ поръ, пока эмиръ не приведетъ дѣла свои въ такой порядокъ, что никакая опасность, ни съ какой стороны, ему угрожать уже не будетъ.

Между тѣмъ, эмиръ Сеидъ-Музафаръ, по завершеніи дѣлъ своихъ въ сѣверо-восточной части ханства, прислалъ, въ началѣ прошлаго октября, къ генераль-маіору Абрамову своихъ посланныхъ съ подарками и благодарностью за оказанное ему содѣйствіе и съ просьбою совѣтовъ и помощи въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Полагая, что главная причина упорства сына во враждебныхъ замыслахъ противъ него, есть Шахрисябзскій бекъ Джура-Бій, эмиръ бухарскій просилъ генерала Абрамова, чтобы онъ направилъ свои дѣйствія противъ Джура-Бія и выгналъ бы его изъ Шахрисяба. Не соглашаясь на такой образъ дѣйствій и убѣждая эмира, что Джура-Бій для него совершенно безопасенъ, такъ какъ въ виду нашего отряда, собраннаго въ Джамѣ, онъ не посмѣетъ оставить своихъ владѣній и пойдти съ войсками на помощь Катты-Тюри въ Карши, генеральъ Абрамовъ совѣтовалъ эмиру направить все его средства противъ сына, чтобы окончательно порѣшить съ нимъ дѣло. Въ отвѣтъ на такое предложеніе, эмиръ заявилъ, что одинъ, безъ нашей помощи, онъ не въ силахъ рискнуть на какія бы то ни было открытыя, враждебныя дѣйствія противъ своего каршинскаго врага. Тогда генераль-маіоръ Абрамовъ, въ виду вредныхъ послѣдствій, начинавшихъ проявляться и въ Зарявшанскомъ краѣ отъ нескончаемыхъ безпокойствъ и неурядицъ въ смежныхъ съ нимъ владѣніяхъ бухарскаго эмира, рѣшился предложить ему помощь диверсіею въ его пользу съ Джамскимъ отрядомъ въ направленіи къ Карши. Заявляя объ этомъ эмиру и настаивая на немедленномъ же движеніи его противъ Катты-Тюри, генеральъ Абрамовъ просилъ Сеидъ-Музафара уведомить о времени выступленія его войскъ изъ Бухары, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ одновременно продвинуться съ Джамскимъ отрядомъ на нѣсколько переходовъ отъ Джамы по дорогѣ къ Карши.

Полученныя нынѣ новыя извѣстія изъ Самар-

канда представляют послѣдующія затѣмъ событія въ такомъ видѣ (*). Дѣло бухарскаго эмира съ сыномъ окончено и городъ Карши, со всѣмъ окрестнымъ населеніемъ, возвращенъ своему законному государю, Сеидъ-Музафару. — Сынъ эмира, выгнанный изъ Карши, бѣжалъ сперва къ Джура-Бію, прося у него пристанища; но получивъ отъ него отказъ, изъ боязни навлечь на себя неудовольствіе съ нашей стороны, Катты-Тюря отправился на югъ въ Гизаръ и, по слухамъ, непринятый и тамъ, скрылся.

Всѣ шайки Катты-Тюря разсыяны; жители г. Карши и окрестностей приведены къ должному порядку и бухарскія войска, по предложенію генерала Абрамова, вступили въ городъ въ тотъ же день, 27-го октября, какъ нашъ отрядъ вышелъ изъ него обратно къ Джаму. Утромъ того же числа, еще до прихода бухарскихъ войскъ, генераль-маіоръ Абрамовъ поручилъ передачу бухарскимъ властямъ города самимъ аксакаламъ. 29-го октября, уже по возвращеніи генерала Абрамова въ Самаркандъ, онъ получилъ тамъ отъ каршинскихъ аксакаловъ увѣдомленіе, что городъ переданъ ими Якубъ-беку, назначенному эмиромъ каршинскимъ бекомъ. Якубъ-бекъ, съ своей стороны, увѣдомилъ, что онъ вступилъ въ городъ съ войсками эмира совершенно благополучно.

Съ войсками Катты-Тюря нашъ отрядъ имѣлъ два столкновенія: первое, 21-го октября, при приближеніи къ Карши, въ десяти верстахъ отъ города, окончившееся незначительною перестрѣлкою, послѣ которой Катты-Тюря со всѣмъ своимъ войскомъ (до 8 тысячъ) бѣжалъ и былъ преслѣдуемъ казаками, подъ командою семирѣченскаго казачьяго войска есаула *Принца*, на разстояніи 18 верстъ; при чемъ отбито у неприятеля 10 верблюдовъ съ фальконетами, снарядами, порохомъ и прочими артиллерійскими запасами. Второе столкновеніе было 23-го октября въ каршинскихъ садахъ и предместьяхъ города съ большою партіею Катты-Тюря (до 4

тысячъ). Передовой отрядъ нашъ, подъ командою туркестанскаго стрѣлковаго баталіона капитана *Гребенкина*, долженъ былъ въ каршинскихъ садахъ принять на себя всю тяжесть атакъ въ нѣсколько разъ сильнѣйшаго противника и, не смотря на свою малочисленность, не только отбилъ съ успѣхомъ всѣ атаки, но и отбросилъ неприятеля съ большою потерей въ глубь города, гдѣ онъ и былъ уже окончательно разбитъ по приходѣ главныхъ силъ отряда.

Изгнаніе Катты-Тюря изъ Карши и возвращеніе этого города бухарскому эмиру произвело сильное впечатлѣніе на все населеніе, какъ бухарскаго ханства, такъ и Зарявшанскаго округа; Джура-Бій, послѣ этого событія, собрался уже совсемъ бѣжать изъ своихъ владѣній.

Главный результатъ изгнанія Катты-Тюря тотъ, что вся партія его, какъ въ самомъ ханствѣ, такъ и въ окрестныхъ къ нему владѣніяхъ, возлагавшая на него всѣ свои надежды и ожидавшая скорого переворота въ Бухарь, настоящими событіями совершенно обезоружена и лишена всякой возможности продолжать свои враждебныя противъ эмира дѣйствія. Сыну эмира, разъ изгнанному и потерпѣвшему пораженіе, уже трудно будетъ поправиться и нравственное вліяніе его на толпу должно умалиться.

Если бухарскій эмиръ не испортитъ сдѣланнаго для него дѣла излишней жестокостью въ Каршахъ и будетъ вести дѣла свои благоразумно, то онъ легко можетъ возвратитъ потерянное вліяніе и сдѣлаться по прежнему полнымъ властелиномъ въ своихъ владѣніяхъ.

Крутое вмѣшательство наше въ бухарскія дѣла, умиротворивъ это ханство, привело въ полное спокойствіе населеніе и Зарявшанскаго округа, начинавшее уже приходить въ броженіе отъ постоянныхъ попытокъ сына и его партіи взволновать и возстановитъ это населеніе противъ насъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣшательство это показало бухарскому народу, что въ дѣйствіяхъ нашего правительства нѣтъ завоевательныхъ цѣлей, и занятый нашими войсками городъ тотчасъ же сданъ его законному государю и владѣтелю, а Сеидъ-Музафаръ могъ убѣдиться, сколь выгодно ему поддерживать дружественныя къ намъ отношенія.

(*) Подробнаго донесенія отъ генераль-маіора Абрамова, какъ о причинахъ, приведшихъ его къ вооруженному вмѣшательству въ дѣла эмира съ сыномъ, такъ и о самомъ ходѣ всѣхъ дѣлъ подъ Карши еще не доставлено.

Бухарскій эмиръ черезъ своего посланника Яхя-Ходжа и нѣсколькими своими письмами уже благодарилъ генерала Абрамова за содѣйствіе; и въ настоящее время, со дня выступленія изъ Карши, генераль Абрамовъ почти ежедневно получаетъ и отъ каршинскаго бека (Якубъ-Бекъ) и изъ Бухары подробныя свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ Каршинскомъ округѣ. Въ настоящее время въ

Зарявшанскомъ краѣ все совершенно спокойно и 30-го октября весь джамскій отрядъ долженъ былъ разойтись по своимъ зимнимъ квартирамъ.

Потеря наша въ дѣлахъ подъ Карши состоитъ: убито нижнихъ чиновъ 2 (*); тяжело раненыхъ 4; легко раненыхъ 7 (оставались въ строю).

